

Усадьба Абэ-но Сэймэя за воротами Цутимикадо.

Сэймэй лениво обмахивался веером-летучей мышью, с мягкой улыбкой наблюдая за спящим другом. Наконец Хиромаса вздрогнул и медленно открыл глаза.

Первым он задал испуганный вопрос:

— Сэймэй... С тобой всё в порядке?

Мицумуси не выдержала: прикрыв рот шелковым рукавом, она тихонько прыснула.

— Ох, господин Хиромаса, о ком вы печётесь? Это ведь вам досталось сильнее всех! Хозяин только что завершил ритуал призыва вашей души.

Хиромаса рывком сел, скомкав в ладони широкий рукав друга.

— Вот оно как... Выходит, Сэймэй, я снова перед тобой в долгу? Спасашь меня раз за разом.

Сэймэй не ответил. Он аккуратно высвободил одежду из пальцев Хиромасы и лишь загадочно прищурился.

Хиромаса задумчиво уставился в пространство, хмурия брови.

— Послушай, Сэймэй! А ведь этот паршивец Юй-лан... Он ведь ополчился на меня только из-за своей безумной любви к принцессе Мёки? Какая низость! Но пусть знает: я, Минамото-но Хиромаса, не из трусливых и друзей ради собственной шкуры никогда не предавал!

Сэймэй негромко рассмеялся. Приняв из рук верной служанки чашу, он сделал неторопливый глоток ароматного вина.

— И то правда. Слава богам, что ты совсем другой.

Хиромаса расплылся в улыбке, но почти сразу посерьёзnel, опустив взгляд на свои колени.

— Хотя... Если подумать, не будь этот Юй-лан таким мерзавцем, из них с принцессой Мёки вышла бы неплохая пара.

Сэймэй смотрел на его простодушное лицо. Он едва заметно и грустно улыбался.

«Хиромаса даже не подозревает, что Юй-лан и принцесса Мёки — одно и то же лицо. Что ж,

оно и к лучшему... Мир полон иллюзий, где правда мешается с вымыслом, а явь — со снами. Зачем разрушать это неведение? Пусть всё остаётся так, как он себе нафантазировал»

— Сэймэй, о чём ты задумался? — спросил Хиромаса.

— Да так, пустяки, — отозвался Сэймэй. — Думаю, раз уж ты пришёл в себя, то тебе пора возвращаться в поместье принца Кэммэя. Твоя матушка, принцесса Фудзивара, небось извелась вся, волнуясь за своего непутёвого сына.

— Ну что ты такое говоришь, Сэймэй! — обиженно заворчал Хиромаса. — Я ведь ещё слаб, еле дышу! А ты меня в шею гонишь. Какое бессердечие!

— Кому ты рассказываешь? — рассмеялся хозяин дома. — Твоё притворство меня не обманет. Решил остаться у меня, чтобы даром переводить моё вино? Ну уж нет. Я уже отправил сикигами-вестника. Твой слуга Тосихиро вот-вот прибудет, чтобы забрать своего господина.

— Вредный ты человек, Сэймэй!

Хиромаса обиженно надулся и снова повалился на циновку, отвернувшись к стене.

— Хозяин... Как же быть с господином Хиромасой? — с улыбкой спросила Мицумуси.

— Налей-ка ему вина, Мицумуси, — Сэймэй бросил шутливый взгляд на широкую спину друга.
— Но если наш гость решит поупрямиться и откажется — тем лучше, мне больше достанется.

— Слушаюсь, — улыбнулась Мицумуси, протягивая наполненную до краёв чарку.

Хиромаса мигом перевернулся, выхватил вино, осушил чашу одним махом и уставился на Сэймэя горящим взглядом:

— И вовсе я не обиделся! Но уж перед уходом я точно осушу все твои запасы!

Сэймэй, глядя на его воинственный вид, не выдержал и звонко рассмеялся. Хиромаса смущённо почесал затылок и тоже невольно вторил ему добродушным хохотом.

За распахнутыми ширмами шумел мягкий ветер, и тёплые лучи солнца заливали сад, даря покой и беззаботную радость.

На следующий день Сэймэй сидел на внешней галерее, греясь на солнышке с чашей вина в

руках.

Вдруг ворота, украшенные пятиконечной звездой-пентаграммой, с грохотом распахнулись. Во двор, задыхаясь от бега, влетел Хиромаса.

— Сэймэй! Принцесса Мёки сегодня возвращается в Великую Тан! Неужели ты не пойдёшь её проводить?

Сэймэй окинул гостя неторопливым взглядом и, поднявшись, не спеша ушёл в глубь дома.

— Принцесса явилась туда, откуда приходят все, и возвращается туда, куда уходят. К чему эти бессмысленные проводы? — Его голос звучал на удивление бесстрастно.

— Опять ты за своё! — рассердился Хиромаса. — Сэймэй, вечно из твоего рта льются какие-то непонятные бредни!

Сэймэй не удостоил его ответом, скрывшись в полумраке внутренних покоев.

— Бездушный ты человек, Сэймэй! И всегда был таким! Ну и ладно! Раз так, я сам поеду и провожу принцессу Мёки!

Хиромаса круто развернулся и, гневно топая сапогами, покинул усадьбу.

Когда шаги друга затихли вдали, Сэймэй замер. В его груди шевельнулась странная, непривычная тоска. Он медленно обернулся и посмотрел на пышный пион, красовавшийся в нефритовой вазе...

У самого причала, под сенью богато украшенного паланкина, присланного самим Сыном Неба Великой Тан, восседала принцесса Мёки. По обе стороны от неё в торжественном безмолвии выстроились Левый и Правый министры, направленные японским императором для пышных проводов гостыи.

— Ваше Высочество, — взял слово Левый министр, склоняясь в глубоком поклоне. — Его Величество повелел нам во главе всех чинов двора лично проводить вас до корабля. Мы молим богов, дабы ваш путь по морю был гладким и безмятежным.

— Император вашей страны излишне щедр, — с достоинством ответила принцесса Юймёя. — Вернувшись во дворец, я непременно поведаю моему венценосному брату о столь тёплом приёме.

Минамото-но Хиромаса затерялся в толпе придворных. Глядя на статную красавицу, он чувствовал, как в его сердце шевелится невольная грусть.

— Господин Минамото третьего ранга, — негромко позвала принцесса Юймё.

— А! Да, я здесь! — встрепнулся Хиромаса. Спешно выступив вперёд, он низко склонился. — Что прикажет Ваше Высочество?

— Ничего... Лишь малая просьба. Передайте господину Сэймё: если когда-нибудь дороги приведут вас обоих в пределы Великой Тан, я сочту за честь лично принять вас во дворец и отплатить за радушие.

— Сэймэй... он... приболел малую толику... потому и не смог прийти лично... — Хиромаса замялся, отчаянно пытаясь сгладить неловкость.

— Я всё понимаю, — мягко улыбнулась принцесса Юймё. — Передайте господину Сэймё пожелания доброго здоровья. Пусть бережёт себя.

Она сделала знак слугам, и те плавно подняли паланкин, унося гостью на борт огромного судна.

— Непременно... Всё передам, — тихо отозвался Хиромаса, провожая её взглядом.

Принцесса Юймё замерла у перил на корме корабля, устремив задумчивый взгляд на бескрайние морские просторы. Ветер развевал рукава её роскошного, расшитого золотыми нитями платья.

По обе стороны от хозяйки застыли две безмолвные прислужницы в традиционных халатах — изумрудном и белоснежном. То были Цинлуань и Байфэн, духи её верных флейт, принявшие человеческий облик.

Вдруг принцесса тихо рассмеялась собственным мыслям и, не оборачиваясь, промолвила:

— Ну же, Цинлуань. Спрашивай, раз так хочется.

Служанка в изумрудном наряде сделала шаг вперёд:

— Ваше Высочество, мы с сестрой никак не возьмём в толк... К чему такая спешка? Зачем было так внезапно покидать обитель кошачьих духов и бежать из Хэйан-кё? Случилась какая-то беда? Или это из-за... господина Абэ?

Принцесса покачала головой, и её тихий вздох затерялся в шуме волн.

— Вовсе нет. Моё спешное возвращение имеет иные причины. Видит небо, мне вообще не стоило являться в эти края. Из-за старого обещания, данного Обителю кошачьих духов, я едва не переступила черту, откуда нет возврата.

Байфэн, чьё лицо оставалось холодным, язвительно хмыкнула:

— Если бы вы, Ваше Высочество, не пощадили его в последний миг, этот Абэ-но Сэймэй и волоска вашего не стоил бы. Куда ему тягаться с вашей силой!

Принцесса скользнула по ней мягким, всезнающим взором:

— Ошибаешься, верная моя. В нашей схватке проиграла именно я.

— Да как такое возможно! — вскинулась Байфэн. — Ваше ведовство безгранично! Вы не могли уступить какому-то захудалому японскому колдуну!

— Глупенькая, — грустно покачала головой принцесса. — Победа и поражение не всегда измеряются силой чар. Каким бы могуществом ты ни обладал, пред силой его заклęcia я оказалась бессильна.

— Что же это за узы? — непонимающе нахмурилась Цинлуань. — Неужели даже вам не под силу их разорвать?

— Сам Абэ-но Сэймэй стал моим заклüтием, — тихо, почти шёпотом произнесла Юймё. — Пожалуй, узами, которые мне не суждено разорвать до конца моих дней. Моё глупое сердце навеки запуталось в них.

— Что за глупости! — с досадой фыркнула Байфэн. — Какой-то японский чернокнижник... С чего вдруг он стал непреодолимой силой?

— В этом подлунном мире нет уз, которые нельзя разорвать. Есть лишь те, от которых мы сами не желаем избавляться. Разрушить их или сберечь — решать лишь нашему собственному сердцу, — со вздохом обронила принцесса.

Цинлуань испуганно прижала ладони к груди:

— Неужели... Ваше Высочество и впрямь полюбили его?

Принцесса лишь таинственно улыбнулась в ответ, оставив вопрос без разгадки.

Байфэн злобно заскрежетала зубами:

— Значит, этот пройдоха Сэймэй всё-таки вышел победителем? Мерзавец!

— Нет, — покачала головой госпожа. — Он тоже не выиграл. Те, кто ступил на путь совершенствования духа, знают: мир иллюзорен, в нём нет ни приобретений, ни потерь, ни привязанностей. Однако в его сердце всё же теплится одна мирская забота. И увы, эта забота — вовсе не я.

— Какая наглость! — прошипела Байфэн. — Пренебречь чувствами нашей госпожи... Я этого так не оставлю!

— Кто же тогда победил? — озадаченно спросила Цинлуань.

— Если считать нашу встречу битвой, то победителей в ней нет — одни лишь проигравшие. А если это не битва, то к чему вообще рассуждать о победах? — принцесса тихо рассмеялась.

— Ваши речи слишком сложны для меня, — вздохнула Цинлуань. — Но одного я никак не пойму: зачем вы отделяли свою душу от плоти, чтобы заглянуть в самое сердце господина Абэ? Неужто из одного лишь праздного любопытства?

— Мне нужно было оставить в его душе пустоту, — загадочно ответила принцесса.

— Пустоту? — растерялась служанка. — Что вы имеете в виду?

— Тень, оставленную мной. Вся наша жизнь — лишь череда зыбких видений. А что есть тень, как не призрачное напоминание о том, чего нет?

— Но зачем это вам, госпожа? Какой в этом прок? — недоумевала Байфэн.

— Ровным счётом никакого, — горько усмехнулась принцесса Юймё. — Просто... раз уж судьба свела нас вместе на краткий миг, мне захотелось, чтобы он помнил обо мне. Хотя бы как о смутном призраке в глубине души.

Она развернулась и скрылась в каюте.

— Ах, госпожа... К чему эти терзания? — сокрушённо прошептала Цинлуань ей вслед.

Наступил праздник середины осени. Полная луна сияла на чистом небосводе, но её

серебряный свет лишь подчёркивал царящее вокруг одиночество.

Сэймэй сидел один на галерее, согревая ладонями чарку с вином. Он безучастно взирал на лунный диск, а мысли его витали где-то очень далеко.

Мицумуси, стоявшая рядом, нерешительно переминалась с ноги на ногу, то и дело порываясь что-то сказать.

— Что у тебя на уме, Мицумуси? — не оборачиваясь, спросил Сэймэй.

— Когда господина Хиромасу забирал Тосихиро, он выглядел таким несчастным и надутым... — тихо проговорила она.

— Вот как... — Сэймэй сделал глоток. — Сегодня Праздник середины осени. Хиромаса как почтительный сын обязан провести этот вечер в поместье принца Кэммэя подле своей матушки, принцессы Фудзивара.

— И то правда, хозяин. Сегодня ведь семейный праздник, время для встреч с близкими, — согласилась Мицумуси, заботливо подливая вино в его чашу.

Сэймэй ничего не ответил, лишь осушил её одним долгим глотком.

Вдруг пион принцессы Юймё сам собой вылетел из вазы и с негромким хлопком рассыпался в воздухе мириадами лепестков, которые тут же унёс ночной ветер.

— Хозяин, смотрите! — испуганно вскрикнула Мицумуси. — Что случилось с цветком? Почему он осыпался? Неужели принцесса Мёки призвала свои чары обратно?

В груди Сэймэя шевельнулась тревога, однако он лишь покачал головой.

— Исключено. Случилась какая-то беда. Этот цветок — сикигами-вестник, сохранявший свой облик лишь благодаря духовной силе принцессы Юймё. Тот факт, что он рассыпался лепестками, означает лишь одно: её душа угасла. Но... это совершенно невозможно. Должно быть другое объяснение.

— Душа?.. — растерянno прошептала Мицумуси.

Сэймэй не ответил. Он молча наполнил чашу и осушил её одним махом. На его лице не дрогнул ни один мускул, однако в груди селилось смутное, гнетущее предчувствие...

Миновал месяц. Сэймэй лениво полулежал на внешней галерее, прислонившись спиной к опорному столбу и прикрыв глаза от яркого солнца.

Защитные ворота с грохотом распахнулись, нарушив полуденную тишину. Во двор, едва дыша от быстрого бега, ворвался Хиромаса.

— Ну почему ты вечно врываешься ко мне как ураган, Хиромаса? — не открывая глаз, лениво усмехнулся Сэймэй.

Тот согнулся пополам, уперев руки в колени и пытаясь перевести дух.

— Сэймэй! Случилась страшная беда! Принцесса Мёки... Она умерла!

Сэймэй мгновенно открыл глаза и подался вперёд, буравя друга пристальным взглядом:

— Что ты сказал? Хиромаса, повтори. О чём ты говоришь?

— Я только что покинул тронный зал и сразу бросился к тебе! — затараторил Хиромаса. — Вернувшийся из Великой Тан посол представил Его Величеству официальный доклад. Там чёрным по белому написано: «Принцесса Мёки из поместья принца Ли преставилась в ночь на пятнадцатый день восьмой луны, в самый разгар праздника»!

— В ночь праздника?.. — Сэймэй нахмурился. — Как именно это произошло?

— Шепчутся, будто замешана нечистая сила, — сокрушённо зашептал воин. — Поговаривают, по возвращении принцессы в её покоях стали являться жуткие белые призраки, наводившие на всех ужас. А в ту самую ночь её нашли мёртвой в собственной постели. Никаких следов насилия, чистая чертовщина! Наш государь уже повелел составить поминальное слово и направить соболезнования императору Тан. Она ведь была так молода, прекрасна и искусна в магии... Как же несправедлива судьба!

Сэймэй уже не слушал причитания друга. В его душе воцарилась холодная, горькая ясность.

«Значит, в ту ночь её искра действительно угасла... Но что послужило причиной? Мне придётся навестить обитель кошачьих духов и во всём разобраться»

На следующее утро Сэймэй приготовился к отправлению в Обитель кошачьих духов.

— Мицумуси, ты готова?

— Да, хозяин, всё собрано.

— Обитель кошачьих духов скрыта от людских глаз, — негромко произнес Сэймэй. — Нашего проводника, пиона-вестника, больше нет. Придётся отслеживать тропу по едва уловимым крохам энергии, что остались от цветка в нашей усадьбе.

— Положитесь на меня, хозяин! — улыбнулась Мицумуси. — Я столько времени провела рядом с этим цветком, что без труда учую его след и выведу нас куда нужно.

— В таком случае — в путь, — кивнул Сэймэй.

Мицумуси обернулась изящной лазурной бабочкой и порхнула ввысь, увлекая хозяина за собой сквозь лесные дебри.

Спустя время лазурные крылья опустились на траву, и перед Сэймэем снова предстала служанка.

— Хозяин, мы на месте. Но впереди лишь глухая стена бурелома. Здесь нет никакого прохода.

Сэймэй огляделся вокруг и согласно кивнул:

— Спасибо за труды. Мы пришли верно. Хотя пробраться за этот барьер без приглашения — задача не из лёгких.

— Хозяин, смотрите! — прошептала Мицумуси, указывая рукой сквозь туман. — Вон там кто-то есть.

Из лесной тени навстречу им медленно вышагивала пожилая женщина. Приглядевшись, Сэймэй узнал в ней Кадайко, кошачью прислужницу, которая уже вела их этой дорогой в прошлый раз.

— Приветствую тебя, Кадайко, — негромко произнёс Сэймэй. — Я пришёл, дабы узнать, что стряслось с принцессой Юймё.

Кадайко медленно повернула голову. Она смотрела так холодно и колюче, что любой смертный вздрогнул бы.

— Раз так, ступайте за мной в обитель, господин Сэймэй, — бесцветным голосом обронила она.

— Мицумуси, подожди меня здесь, — распорядился Сэймэй и без колебаний шагнул вслед за проводницей.

Они оказались в сумеречном подземном чертоге.

— Подождите здесь, господин Сэймэй. Я должна известить старейшин о вашем визите, — проговорила Кадайко и, ожёгши его напоследок ненавидящим взглядом, растворилась в полумраке.

— Хорошо, — невозмутимо согласился Сэймэй.

В обители по-прежнему царил беспросветный, зловещий мрак.

— Господин Абэ! Зачем вы пришли сюда?! — вдруг раздался испуганный девичий шёпот из темноты за его спиной.

— Юико? Это ты? — Сэймэй повернулся к ней, тепло улыбнувшись.

— Умоляю, бегите отсюда! — взмолилась Юико, вцепившись в его рукав. — Принцесса кошачьих духов погибла, и старейшины жаждут вашей смерти! Они винят во всём только вас!

— Они? — уточнил Сэймэй.

— Главы кланов и верховные старейшины! Они убеждены, что принцесса погибла из-за вас. Уходите скорее! Если они найдут вас здесь, живым вам не выбраться!

Не давая ему опомниться, девушка увлекла Сэймэя за собой по извилистым лабиринтам к выходу.

Они вихрем вылетели из скрытой пещеры на лесную поляну. Ожидавшая неподалёку Мицумуси в недоумении уставилась на испуганную спутницу хозяина.

— Хозяин, что стряслось? — встревожилась служанка.

Сэймэй не успел ответить: позади послышался яростный топот, и из пещеры хлынула разъярённая толпа кошачьих духов. Сэймэй среагировал мгновенно — взмахнул веером и скороговоркой бросил слова заклятия сокрытия. Воздух дрогнул, и все трое растаяли, превратившись в невидимок.

— Ловите негодяя! Не дайте ему скрыться! Его кровью мы окропим алтарь Бога Кошек! — неистовствовал вожак диких кошек.

— Проклятье! Родне лисиц никогда нельзя было верить! — вторил ему вожак чёрных кошек. — Разорвать его на куски и отомстить за принцессу!

— Принцесса ушла за грань, и его долг — последовать за ней! Они ведь были повенчаны! — злобно шипела Кадайко, озираясь по сторонам.

Разъярённая свора долго прочёсывала окрестный лес, но чары Сэймэй были безупречны. Не обнаружив ни следа, кошачьи духи ни с чем убрались восвояси.

Юико без сил опустилась на траву, переводя дух.

— О боги, пронесло... Какое чудо! Вы невероятны, господин Сэймэй, они ведь пробежали прямо мимо нас!

— Пустяки, — Сэймэй спрятал веер в рукав и ободряюще улыбнулся. — Я лишь накинул на нас простейший барьер сокрытия. Обычный отвод глаз, не более.

— Хозяин, но почему они так ополчились на вас? — недоумевала Мицумуси.

Сэймэй повернулся к их спасительнице:

— Расскажи, Юико. Что случилось с принцессой Юймё на самом деле? Почему её не стало?

— Жрецы объявили, будто её свалил внезапный недуг, стоило ей вернуться домой. Но... поговаривают, истинная причина совсем в другом.

— Быть может, — задумчиво протянул Сэймэй, — во время ритуала умиловления Бога Кошек что-то пошло не так?

Юико горько усмехнулась:

— Господин Сэймэй, о чём вы говорите? Не существует никаких подобных обрядов. «Печать», о которой вы толкуете — не проклятие, а величайшее благословение и защита Бога Кошек. Стоило вам обоим сыграть свадьбу и разделить ложе, как эти узы спали бы сами собой, укрепив ваш союз.

— Значит, без брака снять её было невозможно? — нахмурился Сэймэй.

— Разумеется! Но разве вы не поженились? — Юико удивленно взглянула на него. — Без брачного ложа снять печать нельзя... Разве что принцесса решилась на обман. Она могла принести клятву собственной душой, пообещав Богу совершить всё позже, чтобы временно

ослабить путы. Но нарушенная клятва влечёт за собой страшную кару: разгневанное божество забирает душу отступницы. А без искры жизни духи мгновенно угасают и гибнут. Но разве кто-то в здравом уме пошёл бы на такое безумие?

Сэймэй застыл, поражённый этой догадкой.

«Так вот в чём крылась истинная суть печати Бога Кошек... Она лгала мне»

— Я случайно подслушала, о чём жрецы шептались со старейшинами, — тихо добавила Юико.

— Они говорили, принцесса поплатилась жизнью за предательство. Её настиг гнев Бога Кошек.

— Предательство? — переспросил Сэймэй.

— Поговаривают, она обвела божество вокруг пальца ради спасения какого-то человека... Да ещё похитила предназначенную в жертву душу пса-хранителя Инугами. Но большего мне выведать не удалось.

— Спасибо тебе за верность, Юико, — мягко произнёс Сэймэй. — А теперь возвращайся скорее, пока твоё отсутствие не навело старейшин на след.

— Обо мне не беспокойтесь, господин Сэймэй, — покачала головой девушка. — Они и представить не могут, что я знаю правду. Но вам здесь больше оставаться нельзя. Уходите и никогда, слышите, никогда больше не возвращайтесь в обитель кошачьих духов! Прощайте.

Она тепло улыбнулась и торопливо скрылась в тени раскидистых деревьев.

Сэймэй долго смотрел вслед удаляющейся фигурке девушки, после чего шумно вздохнул.

— Мицумуси, возвращаемся.

— Слушаюсь, хозяин.

Они покинули пределы запретных земель. Вокруг шумели вековые сосны, ласковый ветер трепал полы одежд, но на сердце Сэймэя лежала свинцовая, гнетущая тяжесть...